

И.Т.Касавин, В.Н.Порус

О некоторых итогах и перспективах анализа науки

На рубеже веков, а уж тем более — тысячелетий человек подпадает под власть ретроспективного сознания. Произвольный временной рубеж, обязанный нескольким астрономическим конвенциям и исторической традиции, внезапно обретает судьбоносные черты. Слегка иронизируя по поводу этой мании, мы все же должны вспомнить о ее философском характере и отдать долг рефлексии, тяжкое бремя и святая обязанность которой в том, чтобы подытоживать историческое развитие. В данном случае речь пойдет о некоторых тенденциях философии науки уходящего столетия.

В XX в. философия науки выступает как одна из наиболее технически сложных дисциплин в рамках профессиональной философии, использующая результаты логики, психологии, социологии и истории науки и представляющая собой, по сути, междисциплинарное исследование. В таком качестве философия науки оформилась ко второй половине XX в., но как особое философское направление сложилась столетием раньше и была ориентирована на анализ прежде всего когнитивных, или эпистемологических измерений науки. В этой своей ипостаси философия науки выступила как совокупность философских течений и школ, образующих особое философское направление, сформированное в ходе поэтапного развития и отличающееся внутренним многообразием (позитивизм, нео- и постпозитивизм, некоторые течения в неокантианстве, неорационализм, крити-

ческий рационализм). Одновременно философия науки продолжала существовать в рамках таких философских учений, в которых анализ науки не является главной задачей (марксизм, феноменология, экзистенциализм, неотомизм). В первом случае проблематика философии науки практически исчерпывала содержание философских концепций, во втором — анализ науки был встроен в более общие философские контексты и детерминирован ими. Однако в целом тематика философии науки, ее концептуальный аппарат и центральные проблемы определялись прежде всего в рамках философии науки как особого философского направления и лишь при его посредстве попадали в фокус внимания других философских школ и течений.

На первом этапе развития философии науки (вторая половина XIX в.) в фокусе ее внимания оказалась, главным образом, проблематика, связанная с исследованием психологических и индуктивно-логических процедур эмпирического познания. Содержание второго этапа эволюции философии науки (первые два десятилетия XX в.) определялось в основном осмыслением революционных процессов, происходивших в основаниях науки на рубеже XIX—XX вв.). Следующий период (20–40 гг.) можно обозначить как аналитический. Он во многом воодушевлялся идеями раннего Л. Витгенштейна и определялся программой анализа языка науки, разработанной классическим неопозитивизмом. В рамках позднего неопозитивизма 40–50-х гг. важное место заняла имманентная критика догм эмпиризма — эмпирического редукционизма и дихотомии аналитических и синтетических суждений. Этому сопутствовало тщательное изучение логики научного объяснения, исследование вопроса редукции теорий и построение реалистических и инструменталистских моделей структуры научных теорий. Понятие науки постепенно расширялась, предметом исследования становилось не только естествознание, но и история, в частности, статус исторических законов и функции исторического объяснения. К этому же этапу философии науки с известными оговорками может быть отнесена и концепция логики научного исследования К. Поппера, центральными моментами которой явились критика психологизма, проблема индукции, разграничение контекста открытия и контекста обоснования, демаркация науки и метафизики, метод фальсификации и теория объективного знания.

Уже в рамках аналитического этапа философии науки начали подвергаться критике основные догмы неопозитивизма. Эта тенденция усилилась к концу 50-х гг., когда обсуждалась знаменитая работа У.Куайна «Две догмы эмпиризма», появился перевод книги К.Поппера «Логика научного исследования» на английский язык, были опубликованы работы Т.Куна, М.Полани, Н.Гудмена, Н.Хэнсона.

Параллельно аналитической философии науки выдвигались разные парадигмы изучения науки как социально-культурного феномена в рамках социологии знания и социологии науки. В поле исследования оказались проблемы связей научного сообщества с определенными стилями мышления, социальные роли и ценностные ориентации ученых, этос науки, амбивалентность научных норм. Они оказали существенное влияние на следующий, постпозитивистский этап в развитии философии науки, который был связан с дискуссиями между представителями «исторической школы» и «критического рационализма». Главными темами стали возможность реконструкции исторической динамики знания и неустранимость социокультурных детерминант познания. На этом этапе философия науки превратилась в настоящее междисциплинарное исследование. Во многом благодаря взаимовлиянию философии и ряда социальных и науковедческих дисциплин произошло размывание предметных и методологических границ между философией науки, социальной историей науки, социальной психологией и когнитивной социологией науки. Ответы на вопросы, поставленные в общем виде философами, давали социологи и историки в анализе конкретных познавательных ситуаций (case studies). Ученый-химик и социальный психолог М.Полани подверг критике понятие «объективного знания» К.Поппера в своей концепции «личностного знания». Историк физики Т.Кун выдвинул альтернативу попперовской теории развития научного знания как «перманентной революции», давая противоположную интерпретацию революций в науке. Сторонники Франкфуртской «критической теории» сформулировали программу «финализации науки», предполагающую социальную ориентацию научно-технического прогресса (М.Беме, В.Крон). Авторы «сильной программы» в когнитивной социологии науки (Б.Барнс, Д.Блур) раскрывали макросоциальные механизмы производства знания из социальных ресурсов. Этнографические исследования науки (К.Кнорр-Цетина, И.Элкана) и анализ научной коммуникации и дискурса (Б.Латур, С.Вулгар)

дополняли картину с помощью микросоциологических методов, показывающих, как научное знание конструируется из содержания деятельности и общения ученых (в ходе переписывания научных протоколов, в процессе научных и околонучных дискуссий).

Все это привело к существенному обновлению проблематики философии науки. В рамках критики и затем отказа от фундаменталистских программ, предполагавших принципиальную возможность редукции всей совокупности научного знания к неким далее неразложимым и достоверным элементам опыта, вводились интегральные понятия, ориентирующие на социокультурный подход к проблеме оснований научного знания. Возрождался интерес к метафизическим (философским) измерениям науки. От проблем структуры научного знания анализ сместился к проблемам его роста, при этом были оспорены кумулятивистские модели развития науки. Для объяснения природы научных революций было введено понятие «несоизмеримости». Понятие «научной рациональности» приобрело новое содержание, на базе которого в философии науки формулировались критерии научности, методологические нормы научного исследования, критерии выбора и приемлемости теорий, осуществлялась рациональная реконструкция эпизодов истории науки. Характер устойчивой тенденции приобрела историзация философии науки, в связи с чем соотношение философии и истории науки выдвинулось в число центральных проблем. Встал вопрос о соотношении науки и иных форм рациональности, о возможности интернализма и экстернализма как подходов к реконструкции развития научного знания. Важное значение приобрели понятия «невного знания», «парадигмы», «темы», «идеалов естественного порядка», «традиции», «социальной образности», «исторических ансамблей», «научной картины мира», «стиля научного мышления».

На рубеже 70—80 гг., когда основные постпозитивистские концепции философии науки были уже разработаны и обсуждены, намечился сдвиг проблематики в двух разных направлениях. Во-первых, представители этой дисциплины стали более внимательны к эпистемологическим основаниям выдвигаемых ими моделей, что привело к оживлению дискуссий о реализме и инструментализме, к более детальному обсуждению проблемы концептуальных каркасов и т.п. Еще более заметный сдвиг связан с распространением наработанных в философии науки (в основном на материале естествознания) моделей на анализ социальных и гуманитарных наук. В дополнение к традиционному философ-

ско-методологическому анализу исторической науки (как антиподу «наук о природе») стали активно развиваться методология экономической науки, философско-методологический анализ психологии, социологии, социальной антропологии и других наук о человеке. Вместе с тем тенденции, связанные с переоценкой роли науки в современной жизни, с противостоянием сциентизма и антисциентизма, развитием контркультурных и религиозных течений, привели к кризисным явлениям в рамках философии науки, к отрицанию ее философского и общекультурного значения (П.Фейерабенд, Р.Рорти). Данные авторы подчеркивали эзотеризм философии науки, ее удаленность от актуальных общественных и человеческих проблем и тем самым — от подлинной философии вообще.

В настоящее время мы, по-видимому, находимся на той стадии развития, когда нужно в очередной раз дать ответ на сакраментальный вопрос — быть или не быть философии науки и, быть может, на еще более важный — если быть, то какова она должна быть, чтобы ей хотелось заниматься. Ясно, что судьба философии науки в большой мере будет зависеть от объективной роли науки в будущем обществе, а роль эта остается весьма неоднозначной. Науке предстоит еще долгое время флуктуировать между высокой практической эффективностью и высоким риском использования новых научных достижений. Это значит, что использование науки как средства достижения некоторых общественно значимых целей (экономического благоденствия, военной безопасности, создания новых средств коммуникации) будет и далее находиться в противоречии с достижением других столь же значимых целей (экологической безопасности, суверенности личности).

Высока вероятность того, что инструментальное использование науки окончательно вытеснит на периферию ее мировоззренческую функцию — **способность быть источником рациональности для общества и личности**. И здесь многое зависит от способности философии науки не допустить такого исхода, оставаясь школой философского мышления. Попробуем обратить внимание на задачу, которую она могла бы решать, — **задачу обоснования единства рациональности и гуманитарных ценностей**. Это единство испытывало серьезные испытания и даже отчасти было разрушено как предшествующим историческим развитием, так и мировоззренческими спорами, в том числе и в рамках фило-

софии науки. Однако сегодня вновь ищутся пути восстановления утраченной гармонии разума и человечности, по крайней мере теми, кого не устраивают оболванивание массового сознания и несправедливость общественных отношений, корыстный произвол экономической стратегии и дурная субъективность политических решений, прогрессирующая маргинализация культуры и повальное увлечение мистицизмом.

Эти общественные тенденции находят отражение даже в том фрагментарном образе философии науки, в каком он представлен настоящим ежегодником. Так, показывается, что критика фундаментализма, исходящая из идей позднего Гуссерля, оставляет науку перед пессимистической перспективой необоснованности, а человека — перед разочарованием в мировоззренческой ценности науки (З. Сокулер). Ясно, что такого рода методологические споры о границах релятивизма или историцизма, разрушая диктатуру Разума, не в состоянии дать сбалансированную теорию рациональности и остаются незавершенными. Возможная цена «гибкой рациональности», обоснованию которой посвящены работы ряда постпозитивистских философов науки, прежде всего С. Тулмина, — это в перспективе отказ от рациональности вообще (В. Порус). Поэтому можно только приветствовать, если в философии науки по-прежнему предлагаются новые подходы к пониманию структуры научной теории, которые подчеркивают осмысленность проблемы, даже если выявляют при этом коммуникативную и конструктивную нагруженность науки, а структура оказывается весьма нежестким образованием (М. Розов, А. Липкин, А. Печенкин). Стремление к реабилитации проблемы единства научного знания реанимируют поиски единого языка наблюдения и привилегированной позиции наблюдателя в естествознании (Е. Мамчур), единого событийного языка, обнаруживающего родство с обыденным языком и образующего основу специализированных физико-математических языков (В. Буданов).

Стремление к восполнению единства науки в ее истории, к снятию проблемы несоизмеримости различных парадигм требует дескриптивного подхода при реконструкции развития научного знания. В этом случае появляется возможность обнаружить посредствующие звенья, к примеру, между средневековой ученостью и современной наукой (И. Касавин). Восполнению же структурного единства науки служит обоснование взаимодействия между ее эмпирической и логической составляющими, с

одной стороны, и ее ценностными предпосылками и идеалами — с другой (Е.Черткова). Естественным следствием из этого становится своеобразный синтез эпистемологии и культурологии, создающий основу для рационального понимания целостного эмпирического субъекта познания и одновременно — для интегральной социокультурной характеристики человеческого разума (Л.Микешина).

Напрашиваются следующие выводы. Во-первых, перспективы философии науки неразрывно связаны с отходом от абстрактных методологических дискуссий в пользу ситуативных исследований типа case study. Во-вторых, философия науки перестает быть узко специализированным анализом естествознания. Она преобразуется в междисциплинарное исследование с преобладанием гуманитарных **компонента** в силу чего исследование научного знания становится лишь формой и способом познания человека.